

Р. О. ЯКОБСОН

МОСКОВСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КРУЖОК

*Подготовка текста, публикация,
вступительная заметка и примечания М. И. Шапира¹*

На мой взгляд, Московский лингвистический кружок (= МЛК) был едва ли не самым значительным объединением русских филологов — и по созвездию выдающихся талантов, и по влиянию (часто опосредованному и косвенному) на развитие филологической мысли, и по не востребованному до сих пор научному потенциалу. Вклад кружка в лингвистику и поэтику XX в., не только отечественную, но и мировую, не сравним с каким бы то ни было другим. Но отсутствие своих печатных органов и издательской базы, недостаток авангардной броскости в организации научного быта, а также глубокие внутренние противоречия привели к тому, что символом русского «формализма» стал всемирно известный Опояз, тогда как основная работа по созданию новой филологии велась в недрах МЛК².

Несмотря на всё свое значение, Московский лингвистический кружок до сих пор остается тегга *incognita* даже для большинства специалистов: исследований, посвященных истории МЛК, всё еще очень немного³, а огромный архив кружка, по счастью, в основном сохранившийся, не только не опубликован, но даже как следует не прочитан. Важнейший из источников — это фонд МЛК в Рукописном отделе Института русского языка РАН: в целом более 400 листов большого формата⁴. Самое ценное в этих бумагах — протоколы заседаний, которые донесли до нас (с незначительными искажениями) живые голоса участников. Помимо протоколов прений среди документов МЛК есть годовые отчеты, списки членов, биографические сведения о сотрудниках, издательские проекты, тезисы некоторых докладов, различные варианты устава. Изучение деятельности МЛК затрудняется тем, что важнейшие документы (и в том числе протоколы прений), рассредоточены по многим архивохранилищам⁵; другая часть документов находится в личном владении и потому не всегда доступна (так, в одном из домашних архивов лежит, по-видимому, единственный полностью сохранившийся комплект машинописного журнала «*Ερηϊς*», который издавали члены МЛК, по своим взглядам близкие к Г. Г. Шпету⁶). Ценные сведения по истории кружка можно обнаружить в бумагах, принадлежавших его участникам, в том числе в архиве первого председателя МЛК⁷. Наконец, большое значение имеют также мемуарные свидетельства, письменные и устные, сохранившиеся в магнитофонной записи⁸.

Московский лингвистический кружок (1915—1924) объединил несколько десятков выдающихся русских филологов и литераторов. Его членами-учредителями были студенты историко-филологического факультета Московского университета: Ф. Н. Афрозов, П. Г. Богатырев, А. А. Буслаев, С. С. Рогозин, П. П. Свешников, Р. О. Якобсон и Н. Ф. Яковлев. Проект устава МЛК акад. Ф. Е. Корш представил во II отделение Императорской академии наук в конце 1914 г. Предполагавшееся с согласия Корша избрание его почетным председателем МЛК не состоялось: подписанное акад. А. А. Шахматовым разрешение на «образование без ассигнования денежных средств

кружка из молодых лингвистов при Диалектологической комиссии для занятий вопросами языковедения, стихосложения и поэтики народного словесного творчества» было получено в Москве в день смерти Корша [16.II(1.III) 1915]⁹. Первым председателем МЛК был избран Яковсон, находившийся на этом посту вплоть до своего отъезда в Эстонию, а затем в Чехословакию в 1920 г.¹⁰ Всего за время существования МЛК сменилось пять председателей: кроме Яковсона обязанности председателя исполняли М. Н. Петерсон (с конца января по сентябрь 1920), Буслаев (до октября 1922), Г. О. Винокур (до марта 1923) и Яковлев (до ноября 1924).

МЛК очень быстро перерос рамки студенческого кружка: с одной стороны, студенты, прослушав полный курс университета, становились профессиональными филологами, с другой стороны, серьезность и значительность поднимавшихся в МЛК проблем привлекала в кружок новых членов, в том числе многих авторитетных лингвистов и литературоведов. В 1920 г. почетными членами МЛК были избраны В. К. Поржезинский, Д. Н. Ушаков и Н. Н. Дурново. Среди действительных членов кружка были С. И. Бернштейн, С. М. Бонди, О. М. Брик, Н. Н. Волков, Н. И. Жинкин, В. М. Жирмунский, С. О. Карцевский, М. М. Кенигсберг, А. М. Пешковский, Е. Д. Поливанов, А. И. Ромм, Ю. М. Соколов, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов, В. Б. Шкловский, Р. О. Шор, Шпет, Б. И. Ярхо и мн. др.¹¹ В работе кружка принимали участие известные поэты и прозаики. Одним из первых, в 1918 или 1919 г., в МЛК вступил Маяковский, который систематически бывал на заседаниях и выступал в прениях¹²; именно в МЛК в январе 1920 г. состоялось одно из первых публичных чтений поэмы Маяковского «150 000 000»¹³. По словам самого поэта, из всех приветствий, полученных им по случаю творческого юбилея, наиболее приятны ему были поздравления от Московского лингвистического кружка¹⁴. Другим активным членом МЛК, сделавшим ряд интересных докладов, был основатель «Центрифуги» С. П. Бобров; в экспедициях и дискуссиях принимал участие Б. В. Шергин. В 1921 г. в стенах кружка Крученных сделал доклад «Об анальной эротике в русской поэзии»¹⁵; в 1923 г. в МЛК вступили Пастернак, Асеев и Мандельштам. Как вспоминал Б. В. Горнунг, поэты относились к МЛК с «подобострастным почтением». «Исключительную настойчивость» в установлении контакта с филологами проявил Мандельштам: летом 1923 г. он организовал в помещении кружка несколько бесед о поэзии и новейших методах ее изучения — эти встречи (с участием Асеева и Пастернака), если верить воспоминаниям Горнунга, «ничего не дали поэтам, но были интересны членам кружка»¹⁶. В ноябре 1922 г. МЛК обратился в Госиздат с предложением подготовить ряд книг по истории русской поэзии после символистов. Серия должна была состоять из четырех выпусков: «Петербургский классицизм», «Центрифуга», «Футуризм», «Имажинисты» (в редколлегия вошли Винокур, Кенигсберг и Ромм)¹⁷.

Хотя формально МЛК существовал с марта 1915 г. по ноябрь 1924, фактически большую роль в научной жизни он играл с апреля 1919 по март 1923 (именно этот период деятельности документирован полнее всего). Судя по всему, после некоторого перерыва МЛК возобновил работу 5.IV 1919: был заслушан доклад Яковлева «Русская историческая лирика XVI—XVII веков»¹⁸. В апреле состоялись также доклад Брика «О поэтическом эпитете», три доклада Богатырева: «О народных анекдотах», «О „Гусаре“ Пушкина» и «Труд Познанского о заговорах», 2.V слушали инженера и художника С. Б. Гурвиц-Гурского «О сокращениях в заводской терминологии» (в прениях участвовал Маяковский), а 11.V прошел доклад Яковсона «О поэтическом языке произведений Хлебникова»¹⁹. После этого выступления, получившего огромный резонанс,

кружок, как выразился Горнунг, «вышел на большую дорогу»²⁰. Собрания проводились с высокой интенсивностью, раз, а то и два раза в неделю, с перерывом на лето — время полевых исследований, в ходе которых накапливался богатый фольклорный, диалектологический и этнографический материал, главным образом в великорусском и северокавказском регионах. Заседания проходили дома у Якобсона (Лубянский проезд, д. 3, кв. 10)²¹, а затем кружку были выделены две комнаты в той же квартире, на двери в которую появилась вывеска МЛК. Вообще МЛК был вполне официальной организацией, с осени 1918 г. выступал как самостоятельное юридическое лицо, имел свою печать, был включен в сеть Главнауки Наркомпроса и до 1.I 1923 получал дотации из государственного бюджета.

Очень трудно найти филологическую дисциплину, обсуждению вопросов которой МЛК не посвятил хотя бы одного своего заседания. Самые разные проблемы теории и истории литературы, теории и истории языка (вплоть до проблемы «искусственных языков и искусственного в языке»²²) занимали молодых российских ученых. Однако сильной стороной Московского лингвистического кружка был, в первую очередь, не широкий диапазон интересов, не привлечение неизвестных фактов, а умение посмотреть по-новому на старое и, казалось бы, хорошо известное²³. Как сказал Буслаев на праздновании 5-летия МЛК (29.II 1920), «главная задача Кружка — методологическая революция»²⁴. Члены МЛК в большинстве своем имели хорошую методологическую и теоретико-лингвистическую подготовку. Они внимательно следили за всеми достижениями западноевропейской лингвистической мысли (так, первое в России обсуждение «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра состоялось именно в МЛК²⁵). Якобсон уверял, что «из М. л. к. пришли первые толчки к дальнейшему развитию фонологической проблематики и в московской, и в пражской языковедческой среде»²⁶. Многие представители как левого (так сказать «младифутиристического»), так и правого («младоакмеистического») крыла МЛК считали себя последователями Гуссерлевой феноменологии и учениками Шпета — главного русского гуссерлианца²⁷. Члены МЛК были очень внимательны к структуре знака и его внутренней форме; они проводили строгое различие между *Sinn* и *Bedeutung*, между *Begriff* и *Gegenstand*, или (в терминах «Логических исследований» Э. Гуссерля) между *dinglicher Bezug* и *deutlicher Bezug* (то есть между денотатом и сигнификатом): как утверждал Якобсон, выступая в прениях по докладу Буслаева [«Из синтаксической методологии: (Ries: „Was ist Syntax?“)»; 3.X 1919], «самое продуктивное разграничение современных мыслителей (Марти, Гуссерль), это разграничение предмета выражения и словесного значения»²⁸.

Так же как петроградские формалисты, москвичи считали, что «анализ искусства есть анализ форм выражения, словесных форм»²⁹ — хотя бы потому что смысл не дан воспринимающему иначе, как через форму. Однако говорить о формализме МЛК можно лишь с оговорками. Формализм понимает содержание как форму и ищет оформленности содержания; структурализм понимает форму как содержание и ищет содержательности формы. В первом случае содержание берется как данность, а описание языка (формы) остается целью; во втором случае исходной точкой оказывается форма (язык), исследование которой должно привести к овладению эстетическим содержанием³⁰. В этом отношении направление МЛК следует определить скорее не как формализм, а как предструктурализм: членами кружка форма рассматривалась, в первую очередь, в оппозиции к содержанию, а не к материалу. Москвичи шли к поэтике от лингвистики, петроградцы — от теории литературы³¹. В МЛК предпочитали говорить не о различных функциях одного языка, а о разных функциональных языках, среди

которых совершенно особое место занимал язык поэтический, то есть язык в его эстетической, или, как стали говорить позже, в его поэтической функции — язык с установкой на выражение³². С этой точки зрения поэтика трактовалась как одна из ведущих лингвистических дисциплин³³.

Именно к МЛК восходят лучшие традиции российского структурализма и семиотики. Многие мысли, прозвучавшие на заседаниях кружка, предвосхитили позднейшие открытия, опередив время на несколько лет и даже на несколько десятилетий; кое-что (в том числе неопубликованное) не потеряло своей актуальности и поныне. И хотя МЛК просуществовал совсем недолго и прямое его влияние по многим причинам было затруднено, его опосредованное стимулирующее воздействие на развитие русской и мировой филологии мне представляется исключительным. По авторитетному суждению Якобсона, «наследие московских инициаторов обнаруживается в многочисленных „лингвистических кружках“, возникших в различных странах света и усвоивших через пражский образец и наименование, и внутренний строй, и многое из мыслей и замыслов, характерных для М. л. к.»³⁴.

* *

*

Среди неизданных материалов по истории МЛК видное место занимает статья Р. О. Якобсона, написанная по просьбе А. А. Реформатского в первой половине ноября 1976 г. О судьбе этой работы, предназначавшейся для 9-го тома «Краткой литературной энциклопедии», достаточное представление дают три письма Реформатского Якобсону. 26.X 1976 Реформатский сделал своему корреспонденту следующее предложение: «<...> не дивись той просьбе, с которой я к тебе обращаюсь по просьбе Редакции энциклопедий. Среди энциклопедий есть такая: КЛЭ (Краткая литературная энциклопедия), где попадают иной раз и причастные к лингвистике артикли». «Сейчас подошло дело к артиклю МЛК (Московский Лингвистический кружок) — твоё детище, исходный пункт для будущего Пражского кружка³⁵. Я им дал ту хронологию со списком членов, которую составили Буслаев, Нейштадт и Борис Горнунг, а на днях он умер... <...> Дал им ещё страничку об МЛК (вкратце и не в виде <sic!> статьи, а как материал). Почему-то они заказали статью некоему ИВЛЕВУ из Риги (он защищал кандидатскую диссертацию об ОПОЯЗЕ в Питере³⁶). Он прислал сейчас некий документ, который не претендует быть статьёй в КЛЭ и не понятно, что собой представляет<, > кроме несусветной путаницы³⁷. Хотел её показать Борису Горнунгу, но не успел... Сейчас давно уже нет Свешникова, Богатырёва, Яковлева, Жиркова, Буслаева, да и многих, кто значится в списке, который я тебе передал. Нет большинства. Но есть ТЫ! Я в редакции КЛЭ сказал: „Вот единственно кто мог бы дать на две странички статейку об МЛК. Я был только в последнем этапе МЛК (1921—23) и не берусь писать³⁸, а вот, кто мог бы это написать — это Роман Осипович Якобсон! Основной основатель МЛК и его продолжатель в Праге. А я бы ему помог, если ему чего не хватает“. Их это предложение и поразило, и порадовало, и они просили меня тебе написать, что я и делаю. Важно подчеркнуть участие Корша, связь с МДК (диалектологической комиссией), разнообразие его <= МЛК. — М. Ш.> состава (лингвисты, литературоведы, писатели) и тематики. Но ты это всё понимаешь лучше меня, а знаешь то, что никто не знает! Я бы со своей стороны постарался заполнить лакуны, если какие окажутся<, > и прочее <...> важно, чтобы сведения были из первых рук, первого председателя и фактического „отца“ МЛК! Отзовись! Без тебя будет плохо. А я уж буду оберегать приоритет и твои заслуги, верь мне!»³⁹

Якобсон с охотой откликнулся на это предложение. Уже 10.XI 1976 он отвечал Реформатскому: «Из бывших сотрудников МЛК, кажется, действительно ты да я — последние числимся в живых⁴⁰. Следственно исполняю твою просьбу и шлю для Кратк<ой> лит<ературной> энциклопедии требуемую памятку⁴¹. Разумеется, даю тебе carte blanche, лучше всего, если ты ее проредактируешь, почеркаешь и дополнишь, особенно хронику 24ого года <...> право менять текст вставками или парафразами даю только тебе»⁴². А еще через пять дней, 15.XI 1976, Якобсон отправил Реформатскому «дополнение», оговоренное в примечании 67. «Дорогой мой друг и соавтор, — писал ему в ответ Реформатский. — Беда в том, что у тебя 4 стр. и ещё просьба о добавке, а там <то есть в редакции. — М. Ш.> жали на 2 стр.! Но и мне надо кое что добавить, ты же сам об этом просишь <...> так не хотелось портить твой прелестный текст! <...> Сделал я 6 вариантов и каждый из них браковал! Наконец, надев на морду узду, написал 7-й вариант и только вчера отдал его для передачи в Редакцию...⁴³ Мне этот вариант тоже не нравится! Но что будешь делать: „позисьон облиз“»⁴⁴.

Однако энциклопедической справке Якобсона и Реформатского увидеть свет тогда было не суждено. 30.IX 1977 Реформатский писал: «Наша с тобой заметка о МЛК в Кратк<ой> Лит<ературной> Энциклопедии> получила пока грустный конец: после и твоих и моих усилий её там так отредактировали! Столько напутали и наврали, что я отказался авторизовать „наборный экземпляр“, указав на все их неточности и на всё их враньё. Но ответа на сие до сих пор не получил! Я и сам от себя, и от тебя отрёкся от их текста»⁴⁵. В результате в энциклопедию попала статья Д. Д. Ивлева, а заметка Якобсона и Реформатского так и осталась в рукописи⁴⁶. Года через три-четыре фрагменты исходного текста Якобсон перевел на английский и включил в состав очерка по истории МЛК⁴⁷. А по прошествии еще нескольких лет работа Якобсона, предназначавшаяся для энциклопедии, была некритически использована автором статьи об МЛК в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»⁴⁸: здесь дословно воспроизведен целый ряд ошибок, допущенных знаменитым лингвистом, полагавшимися преимущественно на свою память и на неточную справку, составленную Буслаевым, Горнунгом и В. И. Нейштадтом 6.I 1956⁴⁹, — этим, кстати, во многом объясняются фактические расхождения между моим предисловием и заметкой Якобсона. Мне кажется, что ее — вместе с уточняющими комментариями — пора было бы наконец издать в ее первоначальном виде: таким образом мы, может статься, предотвратим дальнейшее тиражирование неточностей, восходящих к этому ценному, но не вполне достоверному документу, а заодно отметим 20-летие со времени его написания, совпавшее со 100-летним юбилеем Романа Осиповича Якобсона [28.IX(10.X) 1896 — 18.VII 1982].

М. И. Шапир

МОСКОВСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КРУЖОК — объединение молодых исследователей, основанное в марте 1915 г. по инициативе группы студентов историко-филологического факультета Московского Университета при активной поддержке руководителя Московской Диалектологической Комиссии Д. Н. Ушакова⁵⁰ и благожелательном одобрении, оказанном проекту устава академиками Ф. Е. Коршем и А. А. Шахматовым. Кругок с первых шагов своей деятельно-

сти поставил задачей разработку вопросов лингвистики, понимая под этим термином науку о языках различных функций, в том числе особенно анализ языка поэтического⁵¹. Доклады и дебаты неизменно выдвигали тесную связь между языкознанием и литературоведением, продолжая и углубляя в этом отношении традицию московских филологов от Ф. И. Буслаева до Корша, Р. Ф. Брандта и В. Н. Щепкина⁵². Всестороннее исследование поэтики, в частности стихосложения, и соотношение между письменным и устным словесным творчеством входило в основную программу занятий, а от работ по народной словесности пути естественно вели к этнологическим разысканиям большего охвата. Согласно раннему отчету, деятельность Кружка, <sic!> «заклучалась и в привлечении нового материала, и в разработке старого, но под новым углом зрения»⁵³. Работа носила лабораторный характер. Строго законченным академическим [докладам] лекциям предпочитались дебаты, где методы и подходы вырабатывались в совместном, коллективном обсуждении⁵⁴. Значительную роль в деятельности Кружка играли летние, заранее согласованные экспедиции его членов (Афремова, Богатырева, Буслаева, Дингеса⁵⁵, Свешникова, Шергина, Яковсона, Яковлева и др.)⁵⁶, большей частью сочетавшие сборание диалектологических материалов с тщательными записями фольклорных текстов и этнологическими наблюдениями⁵⁷; явственно намечался новый подход к таким общетеоретическим вопросам, как тесное сожительство, взаимодействие и амальгамация диалектов⁵⁸. Всё больший интерес наблюдателей сосредоточивался на отличительных признаках фольклорного творчества, связанных с характером соотношений между сказителем и коллективом⁵⁹. Поездки 1915 г. были посвящены главным образом изучению близких от Москвы районов, якобы обезличенных влиянием индустриального и стандартного центра, причем значительное внимание было уделено непосредственно московским диалектным особенностям и фольклорным пережиткам⁶⁰. Поездки, организованные в 1916 г., дали ряд убедительных ответов на остававшиеся невыясненными вопросы вокализма и классификации южновеликорусских говоров, а также на вопрос о связи между зоной былинной традиции и границами севернорусских диалектов⁶¹. В свою очередь важным результатом экспедиций 1921—1922 гг. под руководством Н. Ф. Яковлева, Л. И. Жиркова и Е. М. Шиллинга⁶² было обстоятельное изучение северокавказского языкового и этнического ареала⁶³ с учетом новых методологических приемов звукового и грамматического анализа.

С 1918 года заседания М. л. к. особенно участились, круг членов кружка и участников его заседаний расширился и охватил значительную часть тогдашнего молодого поколения московских исследователей и теоретиков языка и языковых вопросов литературы и фольклора. Именно из дискуссий МЛК вышли труды Б. В. Томашевского, О. М. Брика, Р. О. Яковсона, Б. И. Ярхо, С. И. Бернштейна, С. М. Бонди⁶⁴ и др. по многим неосвещенным и спорным вопросам стиха и его теории⁶⁵; там же возникли первые опыты строго лингвистических подступов к поэтике; в связи с докладами Б. А. Кушнера об элементах звучания (1919)⁶⁶, Е. Д. Поливанова о классификации звуковых изменений (1920), Б. В. Горнунга о «фоносемантических единицах» (1922), Яковлева о севернокавказском консонантизме и с оживленными дебатами вокруг этих тем⁶⁷; из М. л. к. пришли первые толчки к дальнейшему развитию фонологической проблематики и в московской, и в пражской языковедческой среде; упор на проблемы языковой культуры сказался впоследствии в работах Г. О. Винокура⁶⁸; новые методологические подходы к таким фундаментальным вопросам устного творчества, как типологическая классификация народных анекдотов, магия заклинаний и реконструкция фольклорных текстов, нашли себе пронизательную трактовку в выступлениях П. Г. Богатырева и Н. Ф. Яковлева на заседаниях М. л. к. в 1918—1920 годах. Явственный отпечаток наложили на развитие М. л. к. в заключительную пору его жизни основы феноменологии языка в увлекательной трактовке Г. Г. Шпета⁶⁹, вызвавшей непримиримые споры о месте и границах эмпиризма и о роли семантики в науке о языке, о проблеме «внутренней формы», поставленной Гумбольдтом[,] и о критериях разграничения поэтической и обиходной речи⁷⁰. Живое сотрудничество Кружка с его действительными членами — Пастернаком, Мандельштамом, Асеевым и Маяковским, впервые, весной 1920 г., прочитавшим и продебатировавшим «150.000.000» именно в заседании М. л. к.,⁷¹ — не могло остаться безразличным ни для поэтов, ни для языковедческих взглядов на их творчество и на теорию поэтического языка. В 1923 г. заседание М. л. к., открытое Пастернаком и Мандельштамом, было посвящено дискуссии о наиболее плодотворных методах анализа поэтической речи. Немалую роль в развитии поэтики сыграли выступления в Кружке приезжих ленинградцев из Опыза (например Ю. Н. Тынянова⁷², В. Б. Шкловского и В. М. Жирмунского), а также участие московских научных⁷³ работников в заседаниях Опыза⁷⁴.

Если пятилетие трудов Кружка, насчитывавшего в то время, наряду с 34<->мя действительными членами, троих почетных — Н. Н. Дурново, В. К. Поржезинского и Д. Н. Ушакова⁷⁵ — ознаменовалось 30 мая 1920 года горячим приветственным письмом ак<ад>. А. А. Шахматова⁷⁶, то с десятилетием Кружка, трижды сменившего председателей (до 1920 г. Якобсон, в 1920 г. М. Н. Петерсон, в 1921 г. А. А. Буслаев, с 1922 г. Винокур)⁷⁷, настал конец его деятельности. В связи с техническими трудностями того времени многое из его литературных заготовок долго ждало сдачи в печать и частью оказалось утрачено⁷⁸. Устная передача была главным путем распространения научной мысли молодого сотоварищества. В 1926 году организационная модель М. л. к. заодно с его научными планами и достижениями легла в основу новоучрежденного Пражского Лингвистического Кружка, существенно двинувшего вперед и широко развернувшего работу своего предтечи, с которым его связывал также ряд общих сотрудников, частью постоянных, частью кратковременных гостей⁷⁹. Интенсивная печатная деятельность и тесное личное общение с международным научным миром способствовало далекому распространению и обмену плодотворных идей в лингвистике, поэтике и сродных науках. В частности<,> наследие московских инициаторов обнаруживается в многочисленных «лингвистических кружках», возникших в различных странах света и⁸⁰ усвоивших через пражский образец и наименование, и внутренний строй, и многое из мыслей и замыслов, [возникших в] характерных для М. л. к. Быть может, наиболее четко и устойчиво его влияние [сказалось] отразилось в пустившей глубокие корни стиховедческой работе различных славянских [стран] народов⁸¹.

Лит.: Винокур Г., Моск<овский> Лингвистический Кружок, «Научные Известия», сборник II (Академич. Центр Наркомпроса, Москва, 1922); Богатырев П., Якобсон Р., Славянская филология в России за годы войны и революции (Берлин, 1923); Jakobson R., An Example of Migratory Terms and Institutional Models, «Omagiul lui Alexandru Rosetti» (Бухарест, 1965); Цейтлин Р. М., Григорий Осипович Винокур (Москва, 1965).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Публикуется впервые. Печатается по белой машинописи с карандашной правкой Р. О. Якобсона [Massachusetts Institute of Technology Libraries (Cambridge, Mass.). Institute Archives and Special Collections, MC 72 (R. O. Jakobson Papers), box 28, folder 68]. См. также примеч. 48.

² Ср.: М. И. Шапир, 'Материалы по истории лингвистической поэтики в России (конец 1910-х — начало 1920-х годов)', *Известия Академии наук СССР, Серия лите-*

ратуры и языка, 1991, т. 50, № 1, 43; 'The Minutes from the Meeting of the Moscow Linguistic Circle on 26 February 1923', Edited, preparation of the text and notes by M. I. Šapir, *Philologica*, 1994, т. 1, № 1/2, 202.

³ Из литературы см., в частности: Г. Винокур, 'Московский лингвистический кружок', *Научные Известия Академического Центра Наркомпроса*, 1922, сб. 2, 289—290; Р. Якобсон, П. Богатырев, *Славянская филология в России за годы войны и революции*, [Berlin] 1923, 29—32, 34, 39, 44, 53, 56 и др.; R. Jakobson, 'An Example of Migratory Terms and Institutional Models: (On the Fiftieth Anniversary of the Moscow Linguistic Circle)', *Omagiu lui Alexandru Rosetti la 70 de ani*, București 1965, 427—431 (исправленный и дополненный вариант этой статьи см.: R. Jakobson, *Selected Writings*, The Hague — Paris 1971, [vol.] II: World and Language, 527—538); Р. М. Цейтлин, Григорий Осипович Винокур (1896—1947), Москва 1965, 11—18; 'Томашевский и Московский лингвистический кружок': [Публикация, предисловие и примечания Л. С. Флейшмана], *Ученые записки Тартуского государственного университета*, 1977, вып. 422, 113—132; Д. Д. Ивлев, 'Московский лингвистический кружок', *Краткая литературная энциклопедия*, Москва 1978, т. 9: А — Я, стб. 542—543; R. Jakobson, 'To the History of the Moscow Linguistic Circle', *Logos semantikos: Studia linguistica in honorem Eugenio Coseriu, 1921—1981*, Berlin — New York — Madrid 1981, vol. 1: Geschichte der Sprachphilosophie und der Sprachwissenschaft, 285—288; Е. А. Тоддес, М. О. Чудакова, 'Первый русский перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и деятельность Московского лингвистического кружка: (Материалы к изучению бытования научной книги в 1920-е годы)', *Федоровские чтения 1978*, Москва 1981, 229—249; М. И. Шапир, '«Грамматика поэзии» и ее создатели: (Теория «поэтического языка» у Г. О. Винокура и Р. О. Якобсона)', *Известия Академии наук СССР, Серия литературы и языка*, 1987, т. 46, № 3, 221—236; Л. Л. Касаткин, 'Московский лингвистический кружок', *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва 1990, 318; М. И. Шапир, 'Приложения: Комментарии; Библиографии; Указатели', Г. О. Винокур, *Филологические исследования: Лингвистика и поэтика*, Москва 1990, 257—260, 264—266, 269—270, 272—277, 296—300, 302—306, 308—309 и др.; Он же, 'Материалы по истории лингвистической поэтики в России (конец 1910-х — начало 1920-х годов)', 43—57; Он же, '«Семантический ореол метра»: термин и понятие: (Историко-стиховедческая ретроспекция)', *Литературное обозрение*, 1991, № 12, 37, 39; Он же, 'М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха', *Russian Linguistics*, 1994, vol. 18, № 1, 73—113; М. М. Кенигсберг, 'Из стихологических этюдов. 1. Анализ понятия «стих»', Подготовка текста и публикация С. Ю. Мазура и М. И. Шапира, Вступительная заметка и примечания М. И. Шапира, *Philologica*, 1994, т. 1, № 1/2, 174 примеч. 7, 176 примеч. 12—13, 178 примеч. 22 и 26, 179—180 примеч. 32 и 37, 184 примеч. 72, 185 примеч. 79; 'Протокол заседания Московского лингвистического кружка 26 февраля 1923 г.': Публикация, подготовка текста и примечания М. И. Шапира, *Ibid.*, 191—201; *Letters and Other Materials from the Moscow and Prague Linguistic Circles, 1912—1945*, Edited, with English summaries and annotations, by J. Toman, Ann Arbor 1994, 39—40 и др. (= Cahiers Roman Jakobson; № 1); J. Toman, *The Magic of a Common Language: Jakobson, Mathesis, Trubetzkoy, and the Prague Linguistic Circle*, Cambridge, Mass. — London 1995, 13—14, 47—50, 61—67 и др.

⁴ См.: Институт русского языка РАН, Рукописный отдел (Москва), ф. 20 (Московский лингвистический кружок); 412 л.

⁵ См.: Российский государственный архив литературы и искусства (Москва), ф. 1525 (В. И. Нейштадт), оп. 1, ед. хр. 418, л. 1—2 (протокол заседания 2.V 1919); ф. 2164 (Г. О. Винокур), оп. 1, ед. хр. 1, л. 1—26 (отчет за 1921—1922 гг., черновые протоколы и проч.); ед. хр. 85, л. 8—9 (доклад А. И. Ромма в МЛК, 5.III 1923); и др.

⁶ См.: Б. Горнунг, 'О журнале «Гермес»' [1976], *Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения*, Рига 1990, 172—186; 'Указатель содержания журнала «Гермес»': Составители Г. А. Левинтон и А. Б. Устинов, Там же, 189—197; 'К истории машинописных изданий 1920-х годов': Публикация Г. А. Левинтона и А. Б. Устинова', Там же, 197—210.

⁷ См.: Massachusetts Institute of Technology Libraries, Institute Archives and Special Collections, MC 72 (= MIT).

⁸ Ср., например: Институт русского языка РАН, Лаборатория экспериментальной фонетики (Москва), А—790 (устные воспоминания Б. В. Горнунга).

⁹ Институт русского языка РАН, Рукописный отдел (= ИРЯ), ф. 20, л. 1, 4. В речи, произнесенной по случаю 5-й годовщины МЛК (29.II 1920), Д. Н. Ушаков указал на «своего рода провиденциальную звезду, ведущую Кружок на его научном поприще: основание Кружка в день смерти Корша, первое присутствие членов Кружка в Московской Диалектологической Комиссии на заседании, посвященном памяти Фортунатова» (Там же, л. 81).

¹⁰ В конце января Якобсон вместе с Винокуром посетил Петроград и вернулся в Москву не позднее 7.II 1920 [в этот день состоялся его доклад в МЛК о «филологической жизни Петрограда» (см.: М. И. Шапир, 'Материалы по истории лингвистической поэтики в России...', 52 примеч. 2)]. Еще 15.II Якобсон был в Москве и председательствовал на докладе Б. В. Томашевского «О ритме пушкинской прозы» (см.: 'Томашевский и Московский лингвистический кружок', 131), но вскоре выехал в Ревель, сделав по дороге остановку в Петрограде [где 19.II получил рекомендацию Шахматова, адресованную западным коллегам (см. Приложение; ср.: *Letters and Other Materials from the Moscow and Prague Linguistic Circles...*, 36—38)]. В Ревеле Якобсон находился до начала апреля, затем опять вернулся в Москву, но в конце мая вновь выехал в Ревель [и на этот раз, по-видимому, также через Петроград: скорее всего, именно тогда Шахматов передал Якобсону приветственное письмо в МЛК на имя Богатырева (см. Приложение; ср.: *Ibid.*, 39—40)]. В Эстонии Якобсон пробыл с начала июня по 3.VII — в этот день он уехал в Прагу [см.: 'Ранние статьи Р. О. Якобсона о живописи', Вступительная заметка, подготовка текстов и комментарии А. Е. Парниса, Р. Якобсон, *Работы по поэтике*, Москва 1987, 427; *Якобсон-будетлянин: Сборник материалов*, Составление, подготовка текстов, предисловие и комментарии Б. Янгфельдта, Stockholm 1992, 62 (= *Stockholm Studies in Russian Literature*; 26); ср.: Институт русского языка РАН, Лаборатория экспериментальной фонетики (= ЛЭФ), А—790].

¹¹ Список членов МЛК, насчитывающий 51 действительного члена, 3 почетных членов и 12 членов-соревнователей (сотрудников), см.: ИРЯ, ф. 20, л. 1—2, 4—7 и др.

¹² См.: R. Jakobson, 'An Example of Migratory Terms and Institutional Models...', 429; *Idem*, 'To the History of the Moscow Linguistic Circle', 267; а также: М. И. Шапир, 'Материалы по истории лингвистической поэтики в России...', 52 примеч. 2, где по не-

доразумению не отмечено присутствие Маяковского на докладе Брика «Четырехстопные хорей с дактилическими окончаниями» (25.X 1919; ИРЯ, ф. 20, л. 70).

¹³ См.: В. Катаян, *Маяковский: Хроника жизни и деятельности*, Издание 5-е, дополненное, Москва 1985, 176; *Якобсон-будетлянин: Сборник материалов*, 54, ср. 57.

¹⁴ ЛЭФ, А—790.

¹⁵ См.: Российский государственный архив литературы и искусства (= РГАЛИ), ф. 2164, оп. 1, ед. хр. 1, л. 19 об.

¹⁶ ЛЭФ, А—790. 4.V 1923 на заседании президиума МЛК обсуждался вопрос «о предложении поэтов О. Э. Мандельштама и Б. Л. Пастернака войти в контакт с МЛК для совместной работы в области поэтики». «Постановлено: Принять предложение и выделить для переговоров с поэтами и для организации совместно с ними соответствующих занятий комиссию в составе Б. В. Горнунга, В.<.> И.<.> Нейштадта и А.<.> И.<.> Ромма.

Будущую работу с поэтами Президиум представляет себе в виде: а) участия поэтов в заседаниях кружка и обсуждения читаемых докладов;> б) устройства, совместно с ними, особых заседаний, в которых принимал бы участие не весь Кружок, а лишь желающие его члены (в случае возникновения вопросов, выходящих за пределы науки о языке и формальной поэтики)<.> в) заслушания и обсуждения в Кружке докладов поэтов;<.> г) заслушания и, по возможности, обсуждения их стихов.

Помимо того, признано желательным привлечь к работе и других поэтов, при чем просить О. Э. Мандельштама и Б. Л. Пастернака, а также избранных в настоящем заседании членов Комиссии взять это привлечение на себя» (ИРЯ, ф. 20, л. 255—255 об.). К сожалению, участие Мандельштама и Пастернака в работе кружка документально не отражено: ко времени их вступления звезда МЛК стремительно клонилась к упадку. 23.VII 1923 в заявлении, направленном в президиум МЛК, Ромм констатировал: «Попытки вспрыснуть Кружку шприц Мандельштама и Пастернака — камфарма <sic!> для все равно умирающего» (Там же, л. 335).

¹⁷ Подробнее см.: М. И. Шапир, 'М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха', 74—75, 99 примеч. 8.

¹⁸ Доклад В. И. Нейштадта «о Пушкинской фривольной сказке „Царь Никита“» состоялся не в 1918 г. (Р. Якобсон, П. Богатырев, Указ. соч., 39), а, скорее всего, во второй половине 1919 г. (см.: Г. Левинтон, Н. Охотин, '«Что за дело им — хочу...»: О литературных и фольклорных источниках сказки А. С. Пушкина «Царь Никита и 40 его дочерей», *Литературное обозрение*, 1991, № 11, 28—29): в отчете Винокура список из 17 докладов, прозвучавших в МЛК в «академическом 1918—1919 году», открывается докладом Яковлева о русской исторической лирике, а доклад Нейштадта в этом списке не значится (Г. Винокур, 'Московский лингвистический кружок', 290).

¹⁹ Подробнее см.: М. И. Шапир, 43—48, 52—55 примеч. 1—52, 57 примеч. 81; Он же, [Рецензия на книгу:] Якобсон-будетлянин: Сборник материалов, Составление, подготовка текстов, предисловие и комментарии Б. Янгфельдта, Stockholm 1992', *Славяноведение*, 1994, № 4, 116—117.

²⁰ ЛЭФ, А—790.

²¹ См.: Р. М. Цейтлин, Указ. соч., 14 примеч. 2.

²² См.: М. И. Шапир, 'М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха', 76.

²³ См. примеч. 53.

²⁴ ИРЯ, ф. 20, л. 81.

²⁵ См.: Е. А. Годдес, М. О. Чудакова, Указ. соч., 242—245 и др.; а также: М. И. Шапир, 'М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха', 78—79, 101 примеч. 18.

²⁶ МПТ, box 28, folder 68; ср.: R. Jakobson, 'An Example of Migratory Terms and Institutional Models...', 429; М. И. Шапир, 'Приложения...', 302—303, 304 примеч. 6, 7; Он же, 'М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха', 85—87, 89—91, 105 примеч. 44—47.

²⁷ См.: М. И. Шапир, 'Приложения...', 261 примеч. 18, 276 примеч. 24, 307 примеч. 1; Он же, 'М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха', 75—78, 105 примеч. 47; J. Topan, Op. cit., 28—34; и др.

²⁸ ИРЯ, ф. 20, л. 67. См.: М. И. Шапир, 'Приложения...', 260 примеч. 17, 261 примеч. 18, 273—274; Он же, 'Материалы по истории лингвистической поэтики в России...', 44; Он же, 'М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха', 75—78, 105 примеч. 47; и др.

²⁹ М. Кенигсберг, 'Искусство и истина: (В защиту и против реализма)', 'Ερηϊς, 1922, № 2, 113 (архив Г. А. Левинтона); М. И. Шапир, 'М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха', 83—84.

³⁰ Подробнее см.: М. И. Шапир, '«Грамматика поэзии» и ее создатели...', 230.

³¹ ЛЭФ, А—790. Большое значение имел спор между Опоязом и МЛК о том, сводится ли литература к явлениям языка в широком смысле: в частности, по сей день не потерял актуальности вопрос о сюжете как о гиперсемантическом уровне поэтического языка (по аналогии с композицией как явлением гиперсинтаксиса) — см.: Р. Якобсон, П. Богатырев, Указ. соч., 31; R. Jakobson, *Selected Writings*, The Hague — Paris 1971, 532; М. И. Шапир, 'Приложения...', 298—300 и др.; ср.: М. И. Шапир, 'Язык быта / языки духовной культуры', *Путь*, 1993, № 3, 131—132. Ср. также интересные замечания на эту тему в неопубликованной статье Кенигсберга: «Сюжет аналогичен значению (содержанию) грамматического слова. Он представляет собою образ темы, послужившей предметом <...> повествования <...> таким образом, он совпадает с тем моментом в значении слова, как имени, который называем образом. С другой стороны сюжет соотносительен композиции. В композиции сюжет „выражается“, она аналогична тем самым слову как языковому знаку — грамматической единице — в отношении значения <...> Область сюжета выступает перед нами лишь в результате дешифровки словесных знаков, за которыми скрывается сюжет, являющийся их значением» [М. Кенигсберг, 'Новела как поэтическое произведение: (Отрывки)', 'Ερηϊς, 1922, № 2, 155—156 (архив Г. А. Левинтона); ср.: ИРЯ, ф. 20, 124—124 об. (обсуждение доклада П. Г. Богатырева «О формальных особенностях Гоголевских комедий», 13.II 1921)].

³² См.: М. И. Шапир, '«Грамматика поэзии» и ее создатели...', 222—225; Он же, 'Приложения...', 258, 260 примеч. 17, 261 примеч. 20; Он же, 'Язык быта / языки духовной культуры', 121—122, 126 и др.; М. М. Кенигсберг, 'Из стихологических этюдов...', 174—175 примеч. 8.

³³ См.: М. И. Шапир, '«Грамматика поэзии» и ее создатели...', 221—222, 230—233 и др.; Он же, 'Приложения...', 257—258, 262 примеч. 27.

³⁴ МПТ, box 28, folder 68.

³⁵ Реформатский здесь не совсем точен. На положенное место, то есть в 4-й том энциклопедии, статья об МЛК не попала (см.: *Краткая литературная энциклопедия*,

Москва 1967, т. 4: Лакшин — Мураново). Редакция намеревалась восполнить этот пробел в дополнительном, 9-м томе.

³⁶ См.: Д. Д. Ивлев, *Методологические проблемы поэтики в советском литературоведении 20-х годов: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Москва 1968, 10—15 и др.; Он же, 'ОПОЯЭ', *Краткая литературная энциклопедия*, Москва 1968, т. 5: Мурари — Припев, стб. 448—451.

³⁷ Этот документ объемом в 5 машинописных страниц был прислан Реформатскому 12.X 1976 вместе с сопроводительным письмом сотрудника издательства «Советская энциклопедия» Н. П. Розина. В письме сообщалось, что у Ивлева, «оформляющего окончательно статью» об МЛК, «возникли некоторые недоумения, которые он желал бы разрешить с <...> помощью» Реформатского (архив М. А. Реформатской). Заметки Ивлева заканчиваются словами: «<...> мне приходится кое-что „домысливать“. Хотелось бы надеяться, что в основном я все же прав». Рядом рукой Реформатского написано: «Ну, и „домыслил“! Очень не прав! ерунда-с!» (архив М. А. Реформатской).

³⁸ Реформатский был членом-соревнователем МЛК (своего рода «сотрудником II ряда»): на заседаниях кружка он бывал, но в обсуждении докладов почти не участвовал. В числе членов-соревнователей МЛК были также Н. В. Вахмистрова (Реформатская), Д. Е. Михальчи, А. И. Смирницкий, А. М. Сухотин, Е. Б. Тагер, А. Г. Челпанов и др.

³⁹ МИГ, box 44, folder 47.

⁴⁰ Тот же мотив — в письме Якобсона от 15.XI 1976: «Просмотрел список членов кружка. Неужели, кроме нас с тобой никого не осталось. Что с Жинкиным?» (архив М. А. Реформатской). Реформатский отвечал на это 20.XII 1976—15.I 1977: «<...> из тех, что были в МЛК<,> остались: ты, Жинкин, Оля Коган, Аполлинария <Соловьева. — М. Ш.> (что в Женеве училась)<,> Д<.> Д<.> Благой — рамоли и я. Мазе не в счёт: он перестал заниматься лингвистикой <...> Ещё живы Н. В. Вахмистрова-Реформатская и Тагер, но они только литературоведы» (Там же). Последним оставшимся в живых членом МЛК был С. Я. Мазэ (1900—1994), с которым автор этих строк встречался в Вашингтоне в ноябре 1992 г.

⁴¹ Не совсем ясно, какими материалами Якобсон пользовался при ее написании. В начале англоязычного очерка, который приблизительно наполовину пересекается с текстом публикуемой статьи, Якобсон уверял, что основывается не на ней, а на «письмах об истории МЛК, которыми обменивались в середине 70-х годов Р. Якобсон и покойный А. А. Реформатский, выдающийся лингвист, верный московской культурной традиции, и в особенности памяти МЛК» (R. Jakobson, 'To the History of the Moscow Linguistic Circle', 285).

⁴² Архив М. А. Реформатской.

⁴³ Некоторые из этих вариантов (около полутора страниц машинописи каждый) сохранились в бумагах Реформатского.

⁴⁴ Там же (из письма от 20.XII 1976—15.I 1977).

⁴⁵ МИГ, box 28, folder 73.

⁴⁶ См.: Д. Д. Ивлев, 'Московский лингвистический кружок', стб. 542—543. Этот сверхкраткий текст действительно изобилует погрешностями, часть из которых несет на себе следы знакомства с рукописью Якобсона (см. примеч. 75 и 77).

⁴⁷ См.: R. Jakobson, 'To the History of the Moscow Linguistic Circle', 285—287 (ср. примеч. 43).

⁴⁸ См.: Л. Л. Касаткин, Указ. соч., 318. В основе этой статьи лежит концепция и композиция неопубликованной работы Якобсона, многие положения которого повторяются слово в слово. По устному признанию Л. Л. Касаткина, на свой источник он «не имел возможности сослаться по издательским условиям» (см., например, примеч. 53, 57, 59, 63, 69, 70, 75, 77 и 79).

⁴⁹ См.: ИРЯ, ф. 20, л. 4—9; ср.: R. Jakobson, 'To the History of the Moscow Linguistic Circle', 285.

⁵⁰ Членами Московской диалектологической комиссии были все три почетных члена МЛК: Ушаков, Дурново и Поржезинский. Кроме того, одновременно в МДК и в МЛК состояли Афремов, Богатырев, Буслаев, Винокур, Г. Г. Дингес, В. Н. Каменев, Карцевский, Кенигсберг, Мазэ, Петерсон, Пешковский, Свешников, Ю. М. Соколов, Шергин, Шор, Якобсон и Яковлев (см.: 'Краткий очерк деятельности Постоянной Комиссии по Диалектологии Русского Языка за 12 лет (январь 1914 — январь 1926 г.)', [Составили Д. Н. Ушаков и И. Г. Голанов], *Труды Постоянной Комиссии по Диалектологии Русского Языка* (6. Московской Диалектологической Комиссии), Ленинград 1927, вып. 9, 1—2. МЛК и МДК провели целый ряд совместных заседаний (см.: Там же, 8; РГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, ед. хр. 1, л. 19 об.; Р. М. Цейтлин, Указ. соч., 13).

⁵¹ Наиболее полное и последовательное теоретическое выражение эта концепция нашла в те годы в статье Винокура «Чем должна быть научная поэтика» (1920) (см.: *Вестник Московского университета, Серия 9, Филология*, 1987, № 2, 83—91; Г. О. Винокур, *Филологические исследования...*, 8—14; а также примеч. 32).

⁵² См. примеч. 33.

⁵³ Это неточная цитата из отчета Винокура (см.: Г. Винокур, 'Московский лингвистический кружок', 289; ср.: Л. Л. Касаткин, Указ. соч., 318).

⁵⁴ В этом месте Якобсон также пересказывает отчет Винокура (см.: Г. Винокур, 'Московский лингвистический кружок', 289). «Лабораторных занятий» в узком смысле в МЛК было немного — кажется, всего два. 20.V 1919 пять членов кружка — Богатырев, Винокур, Якобсон, Буслаев и Брик — предложили каждый свой собственный вариант формального анализа гоголевского «Носа» (выступления были минут по 15—20). Кроме того, Горнунг упоминает об аналогичном заседании, посвященном разбору пьесы Островского «Бедность не порок» [ЛЭФ, А—790; эти сведения, однако, могут быть не вполне достоверны: «<...> отметим коллективные работы, предпринимавшиеся Московским Лингвистическим Кружком по анализу Гоголевского „Носа“ и „Ревизора“» (Р. Якобсон, П. Богатырев, Указ. соч., 34)].

⁵⁵ О судьбе Г. Г. Дингеса и его роли в изучении языка немцев Поволжья см.: А. И. Домашнев, 'К исследованию языка российских немцев', *Известия Академии наук РАН, Серия литературы и языка*, 1995, т. 54, № 1, 82—83, 85; а также: Р. Якобсон, П. Богатырев, Указ. соч., 16; 'Краткий отчет о диалектологических экскурсиях 1916 года', *Труды Московской Диалектологической Комиссии*, Москва 1918, вып. 8, 32—33; 'Краткий очерк деятельности Постоянной Комиссии по Диалектологии Русского Языка...', 4.

⁵⁶ Фамилии в скобках вписаны карандашом от руки.

⁵⁷ Ср.: «Большую роль в деятельности М. л. к. играли летние экспедиции его членов (Ф. Н. Афремова, П. Г. Богатырева, Буслаева, Г. Г. Дингеса, П. П. Свешникова, Б. В. Шергина, Якобсона, Н. Ф. Яковлева и др.), б<ольшей> ч<астью> сочетавшие собрание диал<ектных> материалов с записями фольклорных текстов и этнографич<е-скими> наблюдениями» (Л. Л. Касаткин, Указ. соч., 318).

⁵⁸ Здесь и далее Якобсон опирается на обзор, составленный им самим и Богатыревым: «<...> Богатыревым, Буслаевым, Каном <И. Л. Кан был также членом МЛК. — М. Ш.> и Якобсоном был обследован ряд уездов Моск. губ., при чем имелось в виду <...> выяснение условий утраты средне-великорусскими говорами северно-великорусских черт, усвоение новых — как южно-великорусских, так и <...> переходных» (Р. Якобсон, П. Богатырев, Указ. соч., 14; об «амальгамации диалектов» см.: Там же, 12—13).

⁵⁹ Этой теме, в частности, посвящена статья: Р. Bogatyrev, R. Jakobson, 'Die Folklore als eine besondere Form des Schaffens', *Verzameling van Opstellen door Oudleerlingen en Beviende Vakgenooten: Donum natalicium Schrijnen, 3. Mai 1929*, Nijmegen — Utrecht 1929, 900—913.

⁶⁰ Ср.: «Впервые русские фольклористы приступили к детальному обследованию центральной России. В силу романтической традиции <...> такие губернии как Олонецкая и Архангельская оказались в этнографическом отношении куда более обследованы, чем Московская, где записи делались случайно, мимоходом. Ряд поездок, предпринятых в 1914—16 годах несколькими членами Комиссии по народной словесности в Верейский, Дмитровский, Серпуховский и Звенигородский уезды, доказал, что, несмотря на фабрики и отхожие промысла, в Московской губ. еще имеется живучая сказочная традиция, множество пережитков в области верований и своеобразная обрядовая, в частности свадебная, традиция <...> Собранные сказки, песни, заговоры и сведения по верованиям, быту и материальной культуре (записи Богатырева, Якобсона и Яковлева) Комиссия по народной словесности постановила печатать, как первый том материалов по этнографии Московской губ.» (Там же, 35; Г. Винокур, 'Московский лингвистический кружок', 289).

⁶¹ Ср.: «Поездки Дурново и Афремова в Курскую и Воронежскую губ. впервые доказали наличие в ряде южно-великорусских говоров наряду с диссимильятивным яканием также и диссимильятивного акания <...> Н. Ф. Яковлев и Шиллинг совершили в 1916 году поездку в Яренский уезд<, > Вологодской губ., где собрали много песен (часть записана на валики) и богатый материал по свадьбе, народному театру, быту и материальной культуре. В том же году Богатырев и Шергин об'ездили Шенкурский уезд, Архангельской губ., и привезли оттуда около сотни сказок, песни, описание свадебных обрядов, духовные стихи, заговоры и т. п.» (Р. Якобсон, П. Богатырев, Указ. соч., 34—35; об изучении былин ср.: Там же, 40 сл.; Г. Винокур, 'Московский лингвистический кружок', 289; см. также: 'Краткий отчет о диалектологических экскурсиях 1916 года', 31—36).

⁶² Все слова после даты вписаны от руки.

⁶³ Ср.: «Экспедиция <sic!> 1921—22 под рук<оводством> Яковлева, Л. И. Жиркова и Е. М. Шиллинга провела изучение сев<еро>-кавк<азского> языкового и этнич<еского> ареала» (Л. Л. Касаткин, Указ. соч., 318). Якобсон говорит, конечно, не об экспедиции, а об экспедициях, но знак краткости над *и* в слове *экспедиций* (и во многих других местах автографа) в архивной машинописи пропечатан очень плохо.

⁶⁴ Имена Бернштейна и Бонди вписаны от руки.

⁶⁵ Ср.: Р. Якобсон, П. Богатырев, Указ. соч., 32—33.

⁶⁶ Доклад Кушнера состоялся не позднее сентября 1919 г. [см.: ИРЯ, ф. 20, л. 257 («Отчет Московского Лингвистического Кружка за 1918—19 академ. г.»); Г. Винокур, 'Московский лингвистический кружок', 289]. Протокол прений, по всей вероятности, не сохранился.

⁶⁷ Все слова после точки с запятой вписаны от руки. Эти же сведения см.: R. Jakobson, *Selected Writings*, 531. Среди известных нам материалов МЛК нет никаких следов вышеназванных докладов Поливанова и Горнунга. Поливанов в кружке сделал три доклада: «О конвергенции» («Самодовлеющее значение функции конвергенции», 4.V 1921), «Мелодические явления, использованные для семасиологических целей в дальневосточных языках» (8.V 1921), «К вопросу об установлении генетического родства языков» [между концом марта и концом сентября 1923 (см.: ИРЯ, ф. 20, л. 265, 266, 270, 280, 282)]; возможно, Якобсон имеет в виду первый из этих докладов (черновой протокол его обсуждения см.: Там же, л. 154—154 об.). Доклад Яковлева «Фонетика ингушского языка» состоялся 13.III 1922 (обсуждение см.: Там же, л. 143—146).

⁶⁸ Работы Винокура по вопросам культуры языка собраны в книгах: Г. Винокур, *Культура языка: Очерки лингвистической технологии*, Москва 1925; Г. Винокур, *Культура языка*, Издание 2-е, исправленное и дополненное, Москва 1929. Библиографию трудов Винокура см.: М. И. Шапир, 'Приложения: Комментарии; Библиографии; Указатели', 405—414.

⁶⁹ См. примеч. 28 и 70.

⁷⁰ Ср.: «В последний период существования М. л. к. первоначальное единство его целей и принципов было утрачено в спорах о месте и границах эмпиризма, месте семантики и фонетики в науке о языке, о проблеме „внутренней“ формы“, критериях разграничения поэтической и обиходной речи, отношениях между языком и культурой, что было связано с обсуждением философии языка Г. Г. Шпета» (Л. Л. Касаткин, Указ. соч., 318). Доклад Ромма «Возможен ли критерий, отличающий поэтическую речь от непоэтической», состоялся 14.IV 1921 (черновой протокол см.: ИРЯ, ф. 20, л. 143—146, ср. 265, 266, 270).

⁷¹ С чтением поэмы Маяковский выступил в МЛК в конце января 1920 г. (см. примеч. 13). В 1977 г. Якобсон вспоминал: «<...> Маяковский читал „150.000.000“ в Московском лингвистическом кружке. Это я помню очень хорошо <...> Было довольно много народу: Нейштадт, Винокур, Буслаев и другие. После чтения была дискуссия. Во время этой дискуссии Володя записывал. Я что-то говорил о связи с былинами, кто-то говорил о Державине, кто-то о Кольцове, и когда Володя отвечал, он сказал: „Вот говорят: былины, Кольцов, Державин — а на самом деле это ни то, ни другое, ни третье, а сто пятьдесят миллионов» (См.: Якобсон-будетлянин: Сборник материалов, 54; ср.: В. Катанян, Указ. соч., 176 сл.).

⁷² По свидетельству Горнунга, Тынянов состоял членом МЛК «более или менее формально» — ни одного доклада он, во всяком случае, не сделал (ЛЭФ, А—790).

⁷³ Последнее слово вписано от руки.

⁷⁴ См. примеч. 10.

⁷⁵ Ср.: «В 1920 г., в период расцвета его деятельности, М. л. к. насчитывал 34 действительных члена и 3 почетных (Н. Н. Дурново, В. К. Поржезинский, Д. Н. Уша-

ков) и охватывал значит<ельную> часть молодого поколения моск<овских> исследователей языка и языковых вопросов лит<ерату>ры и фольклора» (Л. Л. Касаткин, Указ. соч., 318; ср.: Д. Д. Ивлев, 'Московский лингвистический кружок', стб. 542; а также начало предыдущего абзаца статьи Яковсона). В статье Касаткина повторена ошибка, допущенная его предшественником: на момент празднования пятилетия кружка института почетных членов в МЛК еще не существовало (см.: ИРЯ, ф. 20, л. 2, 264 и др.).

⁷⁶ Письмо Шахматова, написанное им за два с половиной месяца до смерти († 16.VIII 1920), чудом сохранилось в американском архиве Яковсона, вообще крайне небогатом материалами довоенного времени. Там же находится и рекомендательное письмо Шахматова, написанное, вероятно, в то время, когда Яковсон был в Петрограде проездом из Москвы в Ревель (см. Приложение, а также примеч. 10). Ср. список выступлений в МДК: «Р. О. Я к о б с о н. Некролог акад. А. А. Шахматова (должен в переводе с чешского А. А. Буслаевым)» (Краткий очерк деятельности Постоянной Комиссии по Диалектологии Русского Языка..., 8; а также: *Letters and Other Materials from the Moscow and Prague Linguistic Circles...*, 37). На заседании МЛК 19.VIII 1920 «по предложению председателя» собравшиеся почтили вставанием «память скончавшегося на днях академика Алексея Александровича Шахматова» (ИРЯ, ф. 20, л. 100).

⁷⁷ Ср.: «Председатели: Р. О. Яковсон (1915—19), М. Н. Петерсон (1920), А. А. Буслаев (1921), Г. О. Винокур (1922—1924)» (Л. Л. Касаткин, Указ. соч., 318; ср. также: Д. Д. Ивлев, 'Московский лингвистический кружок', стб. 542). Автор статьи в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» повторяет и усугубляет неточности, которые в конечном счете восходят к хронологической справке, составленной Буслаевым, Горнунгом и Нейштадтом (см.: ИРЯ, ф. 20, л. 1—9). Используя этот же источник, я сам указал неверную дату председательствования Винокура в МЛК (см.: М. И. Шапир, 'От составителей', Г. О. Винокур, *Филологические исследования...*, 4). В действительности на посту председателя кружка Винокур пробыл совсем недолго: он был избран на эту должность 22.X 1922, а уже 12.III 1923 уступил свое место Яковлеву (см.: ИРЯ, ф. 20, л. 224, 254 об.).

⁷⁸ Ср.: Р. Яковсон, П. Богатырев, Указ. соч., 31; П. Берков, '«Опояз», *Литературная энциклопедия*, Москва 1934, т. 8, стб. 307.

⁷⁹ Ср.: «В связи с трудностями публикаций многое из достояния М. л. к. осталось только в архивах. Гл<авным> путем распространения идей М. л. к. была устная передача. Мн<огие> идеи М. л. к. были развиты Пражским лингвистич<еским> кружком <...> повторившим М. л. к. организационно и включившим в свой состав ряд его членов» (Л. Л. Касаткин, Указ. соч., 318). Помимо самого Яковсона, который с 13.I 1927 по 21.III 1938 сделал в ПЛК около 15 докладов, из бывших членов МЛК на заседаниях Пражского кружка трижды выступал Богатырев («К вопросу об этнологической географии», 11.V 1928; «Проблемы структуральной этнографии», 25.VI 1934; «Чешский и словацкий народный театр», 19.VI 1939), дважды выступал Карцевский («О взаимоотношениях языка и мышления», 12.V 1927; «Реформа русской орфографии», 6.X 1934) и по одному разу — Томашевский («Новая школа в русском литературоведении», 7.II 1928), Винокур («Лингвистика и филология», 9.XI 1928) и Тынянов («Проблема литературной эволюции», 16.XII 1928) [см.: 'List of Lectures Given in the

Prague Linguistic Circle (1926—1948)', Compiled and translated by B. Kochis, *Sound, Sign and Meaning: Quinquagenary of the Prague Linguistic Circle*, Ann Arbor 1976, 607—622 (= Michigan Slavic Contributions, № 6)]. Кроме того, в конце 1926 г. в Прагу приезжал Яковлев. 16. II 1926 Якобсон писал Винокуру: «Если встретишься <sic!> с Яковлевым, он тебе порасскажет о нас, он у нас гостил, и было много интересных лингвистических дебатов» (цитируется по копии из архива М. И. Шапира). Некоторое представление о влиянии московских лингвистов на их пражских коллег дает другой фрагмент из этого же письма Якобсона: «<...> 5ого дек. в лингвистическом кружке под председательством проф. Вилема Матезиуса (известный англист, не смешивай с тем Матезиусом, кот<орый> в прошлом году приезжал в Москву). <sic!> [соc] молодой славист Илек прочел доклад о твоей книге Культура языка. В прениях приняли участие Матезиус, Карцевский, славист Гавранек, теоретик стиха Мукаржовский и я. Матез<иус> отметил большое сходство твоей книги с работой одного американского лингвиста, появившейся в недавно вышедшем первом выпуске американского лингвистического журнала „Langage“ <sic!> и вызвавшей протесты ряда европейских консервативных лингвистов. Далее он сопоставил твою книгу с недавно вышедшей в Осло работой Есперсена на ту же тему и признал за твоей более радикальную и последовательно утилитарную постановку вопросов. Особенно интересна, по мнению Мат<езиуса>, в твоей книге [постановка] характеристика специфических особенностей газетного языка. В этом вопросе участники дебатов сделали ряд дополнений. Я подчеркнул чисто программный <sic!> характер выступлений твоего, Есперсена и др. в вопросе о роли лингвистики в культуре языка. Ничего конкретного и не может быть сказано, потому что накопленный за последние сто лет лингвистикой опыт беспомощен перед этими задачами. Лингвистика последних ста лет практически абсолютно неприложима. Научная мотивировка пуризма блеф. Далее я пытался вскрыть исторические предпосылки и функции пуризма в истории языка. И по этому вопросу разгорелся спор. Карц<евский> говорил о значении патрицианской традиции в ист<ории> литер<атурного> языка, которую ты пытаешься заменить чисто утилитарно-рациональными моментами. Гавранек пытался определить предпосылки развития сокращений, особенно настаивая на их первоначальном — оптическом характере. Так, Гришка, становясь европейской знаменитостью» (там же). Согласно другому источнику, доклад Б. Илека состоялся 2. XII 1926 на третьем заседании ПЛК ('List of Lectures Given in the Prague Linguistic Circle...', 607).

⁸⁰ Все слова после запятой вписаны от руки.

⁸¹ О стиховедческих штудиях МЛК см., например: М. И. Шапир, 'Приложения: Комментарии; Библиографии; Указатели', 302—305, 308—309 примеч. 25, и др.; Он же, '«Семантический ореол метра»: термин и понятие: (Историко-стиховедческая ретроспекция)', 37, 39; Он же, 'М. М. Кенигсберг и его феноменология стиха', 73—113; М. М. Кенигсберг, 'Из стихологических этюдов. 1. Анализ понятия «стих»', 174 примеч. 7, 176 примеч. 12—13, 178 примеч. 22 и 26, 179—180 примеч. 32 и 37, 184 примеч. 72, 185 примеч. 79; 'Протокол заседания Московского лингвистического кружка 26 февраля 1923 г.', 191—201; и др. Ср. также: R. Jakobson, 'An Example of Migratory Terms and Institutional Models...', 427—431; Idem, *Selected Writings*, 527—538.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Письмо А. А. Шахматова с рекомендацией Р. О. Якобсону (19.II 1920) *

Глубокоуважаемый коллега.

Быть может, это письмо дойдет до Васъ черезъ нашего молодого даровитаго ученаго Романа Осиповича Якобсона. Очень Васъ прошу морально поддержать его на чужбинѣ. Онъ хорошій лингвистъ, и мы возлагаемъ на него большія надежды. О насъ онъ расскажетъ Вамъ на словахъ.

Искренне Вамъ преданный

А. Шахматовъ

19 февраля 1920

* Печатается по автографу (МИТ, box 28, folder 72). Впервые опубликовано в кн.: *Letters and Other Materials from the Moscow and Prague Linguistic Circles...*, 38.

2. Письмо А. А. Шахматова в МЛК (30.V 1920) *

Въ Московскій Лингвистическій Кружокъ.

Приношу глубокую благодарность за привѣтствіе, присланное мнѣ Кружкомъ въ день празднованія имъ своего пятилѣтія. Нынѣшнее тяжелое время требуетъ отъ русскихъ людей величайшаго напряженія, а оно возможно только при условіяхъ взаимной поддержки.

А. Шахматовъ

30 мая 1920

P. S. Прошу указать адресъ, по которому я могъ бы послать кружку нѣсколько экземпляровъ „Лекцій по старославянскому языку“ Ф. Ф. Фортунатова **.

* Печатается по автографу (МИТ, box 28, folder 72). Цитировалось в статье: R. Jakobson, 'An Example of Migratory Terms and Institutional Models: (On the Fiftieth Anniversary of the Moscow Linguistic Circle)', R. Jakobson, *Selected Writings*, The Hague — Paris 1971, [vol.] II: *World and Language*, 531 примеч. 3. Впервые (с небольшой неточностью) опубликовано в кн.: *Letters and Other Materials from the Moscow and Prague Linguistic Circles...*, 40. На конверте рукой Шахматова написано: «Въ Московскій Лингвистическій Кружокъ (П. Богатыреву) отъ А. Шахматова» (Ibid., box 28, folder 72).

** Речь идет о книге: Ф. Ф. Фортунатов, *Лекции по фонетике Старославянского (Церковнославянского) языка*, Посмертное издание, Петроград 1919.